

БАЗАРЫ

Ох уж эти базары. Люблю базары. Вот где можно походить, помолчать, послушать, понаблюдать. Я хожу на так называемый Новый рынок, хотя по колориту никакой он не новый, а тот самый, который люблю: с наглыми голубями, вороватыми бродяжками, китайскими шмотками и беляшами. Старый базар стал вдруг «новым» и испортился. Ничего не осталось, кроме безнадежного вида на мутную Барнаулку с мрачно медитирующими на пластиковые бутылки рыбаками.

Другое дело — Новый, который базар. Переходишь трамвайные пути, сам проспект, да не просто так, под гармонь. «Не-е для меня-я-я...», — споеет тебе бывший доцент политеха. Или, как сегодня, под хриплые шевчуковские надрывы одного крашеного студента с белой гитарой: «Что же будет с родиной и с нами...» Не знаю, очень всё странно.

Жаль вот, прикрыли первый дантовский, так сказать, круг. Это если от проспекта идти по Пионеров в самую гущу событий — встречаешь деревенский люд с пахучей речной рыбешкой,

грибками, коромыслами, вязанием (там я, кстати, шерстяные носки купил из чьей-то собаки, очень теплые), розовощеких баб, предлагающих тебе приобрести до неприличия обнаженных жирных уток с подкопченными волосками на синей коже; книжечки опять же, советский антиквариат... Но это уж местная интеллигенция затесалась.

Если идешь на рынок в печали, шибко не расстраивайся и не нагнетай всякого. Тучки там серые над головой бродят, пылью чадит — не беда. Совсем скоро тебе улыбнутся смуглой приветливой улыбкой и назовут братом. Собственно, у «брата» только и стоит брать овощи: огурцы не отдают сырым подпольем, помидоры тоже ничего, укроп с петрушкой призывно торчат из пластикового ящика — купи, купи! Да куда ж я денусь, родимые. В этой примерно стилистике я и общаюсь со всем, что попадет вскорости в салат или на сковороду. Сумасшествие, скажете? Не думаю. А впрочем, это оттого, что всё здесь живое. Или... не совсем живое, с душком-с. Но ведь то можно и не брать.

Когда все необходимое куплено, остается самое сложное испытание — обойти кругом рынок. То есть дело не в том. Нужно обойти его так, чтобы не соблазниться, нервно спотыкаясь, у исконной базарной закуской, прячущейся на отшибе. Там не то чтобы медом намазано... а, как бы лучше выразиться, Мефистофель копыто приложил. Спасает лишь то, что там вечная очередь. Ларечек, окна стеклянные, все видно. Сдобные женщины в несвежих фартуках проворно колдуют над адским пламенем, улыбаясь и ласково матерясь на нетерпеливых покупателей.

Грезится — не то жир, не то трудовой пот стекает по внутренней стороне окон ларечка. Тут тебе и пирожки, и бесстыдно жирные беляши, и чебуреки с пампушками... И бог знает чего еще они там творят. И хочется, и страшно. И вот я креплюсь, и ленюсь стоять в нервно змеящейся очереди, и прохожу мимо. Может, зря, а может, потому и жив остался, как знать.

А в соседнюю с базаром «Ленту» я не хожу. Там, говорят, когда у кассы стоишь, некоторых зазевавшихся клиентов в ленточный конвейер затягивает. Потом их машинально пленкой оборачивают, ценник налепляют и под стекло кладут. И никто внимания не обращает, все баллы на дисконте подсчитывают. Так бабулька

одна случайно вместо ржаного хлеба депутата купила, но есть отказалась. Из принципа. Не знаю... Врут, наверное.

ЦИКОРИЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ

Сумерки, пыль, тополя. Широкое землисто-серое степное небо похоже на зеркало, отражающее лицо умирающего. Синий троллейбус. Горький запах полыни в окна и билетик, что дешевле на два рубля. Вот я и дома.

Еще не отмелькали в глазах огненные подсолнухи и порывевшие дремучие лесополосы с непонятно зачем выходящими из них одинокими людьми. Люди появляются из густого темного кустарника и жадно, не шевелясь, смотрят на проходящий, с размазанными по горизонтали усталыми лицами светящийся поезд. Будто кино.

Троллейбус гудит вечерней пчелой. Жмурюсь, колеблюсь в тесном пространстве, держась за металлический поручень, где прежде была пластмасса. Истертость. Дачница с загорелым добрым лицом, с полными ведрами урожая спрашивает меня, скоро ли святить яблоки и мед, принимая меня за батюшку. Я охотно отвечаю на ее доброту, что, должно быть, скоро, и чудом отнекиваюсь от ведра огурцов.

Люди в моем городе грустные и доверчивые, как приемные дети. Их гладят по голове, утешают, говорят с красочных баннеров об отеческой любви. И всё понимающие детские глаза отзывчиво моргают, но смотрят куда-то вкось, на солнышко, что ли, и каждое утро прорастают голубенькими цветами сквозь разбитый асфальт. Жидкий чай, заначка на автобус, сумки, ведра, вот ты уже и на даче. Почерневший домик, грядочки, пугало в дырявой тельняшке, синее небо над головой и килограмм спелой малины внутри меня. И никакой философии.

Утром я отправляюсь *общаться с городом*. Дурацкое, впрочем, название для прогулки, если бы это занятие не таило в себе скрытого диалога. Маршрут построен, но мой внутренний навигатор, как правило, дает сбой: школьная поселковая тропа, сама школа,

улица Тракторная, близ бывших заводов, площадь, набережная Алея, старая церковь, а там по вдохновению...

Серебристая пыль над дорогой, дурманящий запах полыни, две заводские трубы на фоне акварельного неба. Достая телефон, чтобы в сотый раз запечатлеть облупленный и драматичный угол родной школы. Как неудачливый следователь из сериала, бьющийся над преступлением двадцатилетней давности.

Потеряй я телефон, нашедший его, пролистывая фотки, пожалуй, счел бы меня ненормальным и, быть может, вернул вещь обратно. Из жалости. Какие-то трубы, тополя, печальные продавцы арбузов на рынке, стены... Зачем? Языком этих фотографий отвечает мне город. В этом и заключается диалог. И потом, вернувшись в Б. и рассматривая изображения, я нахожу новые ответы и новые смыслы.

Тенистая тополиная аллея с пожилым, но бодрым велосипедистом, проезжающим мимо разрушенного дома под шпилем — поверженного архитектурного символа города. Но город иронизирует, говоря: это не повод для грусти, ведь прогуливающийся на велике старичок пережил эти руины. А вот легендарный бар «Омут» на набережной Алея — для тех, кому есть на что нечего терять. Но город снова успокаивает меня, убеждая, что ужаснее Моргенштерна там ничего не случается. И вновь эти голубенькие трогательные цветы — у бара и вдоль территории бывших заводов, как небо, просвечивающее сквозь асфальт, сквозь битый кирпич и пережеванное временем железо.

Не пьян ли ты, мой город? Столько светлой надежды в твоих словах, что мне вряд ли кто поверит... «А не все ли равно — поверят или нет?» — подмигивает он из-за бетонной стены с изображением кудрявого урбаниста со скупой, но увесистой слезой под глазом, оплакивающего мой город.

НА СОН ГРЯДУЩИЙ

Ложусь в полночь. Закрываю глаза, мысленно открываю холодильник, думаю, чем буду завтракать уже сегодня. Чуть улыбаюсь забытому на нижней полке, за пучками увядшего лука, куску пиццы. Это от бездуховности.

Господи, помилуй, — направляю сознание туда, куда-то... Сквозь крышу, но задерживаюсь чуть на чердаке, где ночуют голуби и детские страхи; затем сквозь антенны, похожие на кладбищенские кресты, лечу в таинственную беззвездную пустоту, напряжением воли отгоняя маячащий треугольник с тонкими колбасными кружками. Господи, помилуй...

Только бы завтра дождь. Хорошо завтракать куском подсохшей пиццы, когда за окном никого, кроме дождя и трепещущих в неге деревьев. Подмокшие амбиции, отложенные встречи, влажные растерянные лица под случайным укрытием. Десятки как бы плачущих людей как бы жмутся друг к другу и всё понижают... Все как бы снова становятся «изначальным человеком»: пешики и водятлы, масочники и без, яжематери и навальнята.

Не спится. Вспомнил сегодняшнего парня за кассой в супермаркете. Парень высокий, крепкий, с татуировками. Когда подходят мужчины, он произносит те же дежурные слова про «нужен ли пакет» и «спасибо за покупку», но в голосе вызов, сталь и «пойдем выйдем». Защита, стало быть, такая психологическая... Хотя чего стесняться-то, прими спокойно свой выбор или уйди. Как-то одноклассник сделался за лето рэпером и проколол ухо, а после ходил по школе и даже бегал на физре с бледной обескровленной ладонью, прилипшей к левой щеке. Два дня так пробегал с рукой, прятал, а потом, видно, наскучило — снял. Так я и не увидел, какая была серьга. И никто не увидел, и никто его не притеснял, а все недоумевали. Зачем, если не́зачем? Почему дождь, когда лопата?

Такие воспаленные противоречия приходят, когда не ждешь. Не часто. Бывает, что единожды, как экзистенциальная ветрянка, как необходимость репетиции смерти в виде перерождения. Из куколки в бабочку. Боль, жар, пропал аппетит... «Сынок, тебе что сегодня на ужин приготовить — супчик или котлетки?» — «Мама, какой супчик, ты замечала эту серую стену напротив? Это жесть...» — «Не жесть, — легкое движение руки, — а бежевые жалюзи из “Леруа Мерлен”, сам же помогал выбирать...» — «Нет, мама, я пойду напишу про эту серую стену, как Курт Кобейн».

Дождя ведь может и не быть. Тихо и беззастенчиво встанет солнце, и начнет плавиться город. Буднично запахнет жареным асфальтом и пылью. Но лучше не думать об этом. Спать, спать...